

Однако уже очень давно было выражено сомнение в правильности такого взгляда на „Слово“. Еще в 1857 году Ф. Буслаев высказал мысль о хронологическом первенстве второй редакции, т. е. „Моления“, или „Послания“. Подобное предположение разделялось таким крупным ученым, как В. М. Истрин, а также другими исследователями. В советском же литературоведении эта точка зрения получила широкое распространение, ее придерживаются авторы некоторых значительных статей, появившихся в печати в последние десятилетия: Н. К. Гудзий¹ и В. М. Гуссов². Она вошла в академическую „Историю русской литературы“³ и в учебные пособия.⁴

Согласно этой точке зрения, литературная история „Моления“ представляется в следующем виде. „Моление“ было адресовано сыну Всеволода III Большое Гнездо — князю Ярославу Всеволодовичу, который был одновременно князем Переяславля Суздальского и Новгорода между 1223 и 1236 годами. Наименование Ярослава сыном „великого князя Всеволода“ сторонникам этой точки зрения представляется вполне закономерным: из князей Суздальской Руси Всеволод III первый начал именоваться великим князем; „честным и великим“ назвал и его сына Ярослава автор повести об Александре Невском. Таким образом, „Моление“ могло быть написано в 20-е или 30-е годы XIII века. Позже какой-то переписчик сократил текст „Моления“, изменил имя князя, и создалась так называемая первая редакция — „Слово“. Так в схематичном виде выглядит концепция сторонников старшинства второй редакции. Замечая, что далеко не все в первой редакции „Слова“ можно вывести из текста второй его редакции, некоторые из них склоняются к выводу, что обе редакции происходят от такого текста, который объединяет их характерные особенности. Такую точку зрения особенно конкретно выразил Н. К. Гудзий. „Думается, — пишет он, — что в итоге многочисленных высказываний о загадочном памятнике бесспорным следует признать следующее. Прежде всего ни один из его списков и ни одна из редакций более или менее точного представления о его архетипе не дают... Правдоподобнее всего будет допустить, что архетип заключал в себе элементы так называемых и I и II редакций“.⁵ На вопрос „Какая из этих двух редакций удержала в себе наибольшее количество тех дробных, подвижных элементов, которые входили в состав архетипа“, Н. К. Гудзий отвечает: „та, в которой мы усматриваем наибольшее количество конкретного, фактического, реального, а не отвлеченно-обобщенного материала“. И продолжает: „С точки зрения конкретности, фактической наполненности и историчности, а также присутствия личного начала все преимущества на стороне так называемой второй редакции. Из нее, и только из нее, уясняются конкретно, а не обще те личные жизненные обстоятельства, которые побудили автора написать обращение к своему князю“.⁶

¹ Н. К. Гудзий. К какой социальной среде принадлежал Даниил Заточник. Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова, Изд. АН СССР, Л., 1934.

² В. М. Гуссов. Историческая основа Моления Даниила Заточника. Труды ОДРА, т. VII, Изд. АН СССР, М.—Л., 1949.

³ История русской литературы, т. II, ч. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945, стр. 35—45.

⁴ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. Учпедгиз, М., 1950.

⁵ Там же, стр. 478.

⁶ Там же.